

Вильнюс в русских стихах его поэтов

Валентина Брио

Отделение русских и восточнославянских исследований

Еврейский университет в Иерусалиме, Израиль

The Department for Russian and East European Studies

The Hebrew University of Jerusalem, Israel

E-mail: brio@mail.huji.ac.il

<https://orcid.org/0000-0002-5136-7350>

<https://ror.org/03qxff017>

Резюме. В предлагаемой статье-эссе речь идет об образе Вильнюса, запечатленном в русских стихах живущих (или живших) в нем поэтов. Материалом для эссе послужили стихотворения как известных поэтов, так и поэтов-любителей, опубликованные в книге «Зов Вильны. Поэтический облик Вильнюса», изданной в Вильнюсе в 2017 г. В книге собраны стихотворные произведения авторов, начиная с 1821 г. Мы остановились на малой части антологии – на стихотворениях последних десятилетий XX-го и первых десятилетия XXI в.

В поэтических описаниях города – в травелогах, содержащих воспоминания об историческом прошлом, в экфрасисах, ориентирующихся на старые открытки или фотографии, – наблюдаются обильные интертекстуальные связи. Образ Вильнюса во многом романтизирован; важное место в поэтическом топосе города занимают сакральные мотивы, а также многочисленные мифологические образы и легендарные сюжеты. Немалое количество стихов повествует об ‘утраченном мире’ города – уничтоженных еврейских общинах, и в еврейских кварталах Вильнюса лирический субъект блуждает как в пространстве памяти.

Не все собранные в антологии стихи профессиональны, но практически каждое стихотворение пронизано искренней любовью к городу.

Ключевые слова: Вильнюс, современная поэзия, образ города, легенда, история.

Vilnius in the Russian Poems of its Poets

Abstract: This article-essay deals with the image of Vilnius captured in Russian poems by poets who live (or lived) in the city. The material for the essay is drawn from poems published in the book “*The Call of Vilna. The Poetic Image of Vilnius*”, published in Vilnius in 2017. We focus

Received: 15/05/2025. Accepted: 08/08/2025

Copyright © 2025 Валентина Брио. Published by Vilnius University Press

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

on a small part of the anthology, specifically, poems from the last decades of the 20th and the initial decades of the 21st centuries. In poetic depictions of the city – travelogues containing recollections of its historical past, ekphrases inspired by old postcards or photographs – abundant intertextual connections can be observed. The image of Vilnius is to a large extent romanticized; sacred motifs occupy an important place in the poetic *topos* of the city, as do numerous mythological images and legendary plots. Many poems tell of the ‘lost world’ of the city – its destroyed Jewish communities, with the lyrical subject wandering through the Jewish quarters of Vilnius as though moving through a space of memory. Not all the poems collected in the anthology are professional in form, yet almost every poem is imbued with genuine love for the city.

Keywords: Vilnius, contemporary poetry, image of the city, legend, history.

Vilnius rusų poetų eilėraščiuose

Santrauka. Straipsnyje-esė nagrinėjamas Vilniaus įvaizdis, kurį savo poezijoje sukūrė rusų poetai, gyvenę ar gyvenantys šiame mieste. Tyrimo medžiaga – eilėraščiai, publikuoti poezijos rinktinėje „Vilniaus šauksmas. Vilniaus poetinis veidas“ (Vilnius, 2017). Knygoje surinkti eilėraščiai, rašyti dar nuo 1821 metų, tačiau šiame straipsnyje dėmesys sutelkiamas į XX a. paskutiniojo ir XXI a. pirmojo dešimtmečio poeziją.

Poetiniuose miesto aprašymuose – kelionių apybraižose, kuriose išsaugoti atsiminimai apie istorinę praeitį, ekfrazėse, įkvėptose senų atvirukų ar fotografijų, gausu intertekstinių ryšių. Vilnius dažniausiai yra romantizuojamas; svarbią vietą poetinėje miesto vizijoje užima sakralūs motyvai, mitologiniai vaizdiniai bei legendiniai siužetai. Nemažai eilėraščių pasakoja apie „prarastąjį miesto pasaulį“ – sunaikintas žydų bendruomenes; Vilniaus žydų kvartalais lyrinis subjektas klajoja tarsi atminties erdvėje.

Ne visi į antologiją patekę tekstai sukurti profesionalių poetų, tačiau daugelyje galima išvelgti nuoširdžią meilę savo miestui.

Reikšminiai žodžiai: Vilnius, šiuolaikinė poezija, miesto įvaizdis, legenda, istorija.

О культурном и литературном образе Вильнюса писали разные авторы, и важное место в этом ряду занимают труды уважаемого юбиляра¹. Однако тема и образ продолжают возвращаться, словно напроорочил Чеслав Милош: «Никогда от тебя, мой город, я не мог уехать. / Вновь и вновь возвращало меня назад, как шахматную фигуру» (Милош, 2000, с. 349). В предлагаемой статье-эссе речь пойдет об образе Вильнюса, запечатленном в русских стихах живущих (или живших) в нем

1 Среди них: «Вильнюс как “другое пространство” в русской литературе» (Лавринец, 2016), «Русские путеводители по Вильнюсу XIX – начала XX вв.: принципы композиции и отбора объектов» (Лавринец, 2008), „Rusiskas Vilniaus tekstas“ (Lavrinc, 2009).

поэтов на рубеже XX–XXI вв. Стихи приводятся по тематической антологии «Зов Вильны. Поэтический облик Вильнюса», изданной в Вильнюсе в 2017 г.

Ч. Милош писал о феномене этого города: «...разговоры с людьми... которые однажды оказались в Вильно как туристы, убедили меня, что есть в этом городе какая-то особенная магия, так как все они пробовали выразить что-то, какое-то сильное переживание, не поддающееся выражению словами» (Miłosz, 1992, s. 195). Этот феномен чувствуется и современными поэтами, как в стихах Виталия Асовского «Голоса 1989 года»:

*Отчего ты Вильнюс, Вильна, Вильно,
чем ты, Иерусалим литовский,
нас сюда притягивал всеильно
новогрудских, киевских, московских?
Кем в тебя такой, о Вильно, Вильнюс
был магнит магический заложен?
Безответно мы в тебя влюбились
и в разлуке разлюбить не сможем.*
(Зов Вильны..., 2017, с. 291)²

Асовский перечисляет имена этого города, которыми называли его говорившие на разных языках горожане. Импонирует в этом стихотворении упоминание «новогрудских», современный поэт осознает и подчеркивает свое родство с Адамом Мицкевичем, новогрудчанином и виленчанином (в 1815–1823 гг.), осознавая единое братство поэтов.

Тема продолжится. Может быть, хоть отчасти ответил на это поэт (и литературный критик) из России Илья Кукулин, ненадолго заехав сюда:

*Вильнюс и Каунас, спасибо,
что вы по-другому живете.
Мы не заметили, кем мы стали.
Словно бы сбился туман до плоти,
до перебежки лучей в кристалле.*
1999 (с. 291)

Кукулин дополнил свой образ украинской ноткой, озвучившей неожиданно парадоксальную игру слов (заклячая ее в эллипс): «**Вильно** ж тебе говорить про **Вильно**» (это и строка, и заглавие стихотворения).

2 Далее в тексте стихотворения цит. по этому изданию с указанием номера страницы в круглых скобках.

Об этом «радикально» высказался Владимир Ханан, участник «питерского андерграунда» (с 1990-х гг. израильский поэт и прозаик) в «Вильнюсской элегии»: «России нежный сын – родства, увы, не вынес: / по горло ею сыт, куда поеду – в Вильнюс (Ханан, 2016, 24).

Обратимся к творчеству вильнюсских поэтов, о которых (еще в 1968 г.) было сказано в стихах самого юбиляра:

*в полях верлибра и степях раздольных
где ямба вольного стиха поэты
стоп не считают там в словесном ветре
живого ритм струится бесконтрольно
но молодой любви к стихам невольник
сдаваясь в плен стеснительный сонета
сквозь рифм и метра тернии к терцету
последнему спешит путем окольным
зачем ему всходить в храм твердой формы.
(Лавринiec, 2018)*

Если попытаться определить главный мотив поэзии о Вильнюсе, – это город любимый, топофилией окутаны не только обжитые, заветные, исхоженные уголки, но и город в целом. Об этом говорится прямо или опосредованно, но всегда определенно³.

Одни считают: «Давно знакомо все, исхожено стократ» (Елена Шеремет, с. 321); «О Вильнюсе, наверное, уже все написано» (Арон Гаал, с. 301). А другие утверждают: «Мой город неизведанный!» (Ольга Рябинина, с. 334).

Большинство авторов ощущают историю, древность, их привлекают «лабиринты старинных улиц». А для Алины Борзенкайте «капризная Клио» является музой города и, возможно, его душой, а в придачу такая муза, по признанию автора, «диктует мне строки». Может быть, о «связи веков на седеющих крышах» (с. 389)? Стихи молодой поэтессы наполнены историческими аллюзиями и фантазиями. А порою «кажется, – сейчас откроешь тайну!» (с. 387). Но это только кажется.

Интересный исторический экскурс – вид со старой фотографии-открытки, стихотворение Сергея Смирнова так и названо – «Старая открытка»:

3 А если говорится о не-любви, то как бы инфантильно – из-за погоды: «Порой тебя я ненавижу / За серость дня, обилье луж...» (Наталия Бабельчюс, с. 368). Однако город здесь ни при чем.

*Зимнее солнце садится над Вильной.
Цвет горизонта изысканно-винный
...чинный жандарм раскурил папироску.
Он не на службе, как видно, а просто
к вечеру вышел испить коньячку.
В позе довольство, а глаз начеку!
Фурман в поддёвке и драном тулупе,
Делает вид, что кобылочку лупит,
Щурится с козел, как с горних высот –
двух офицеров в Сафьянки⁴ везет.
Дети в картузах, дворяночка в шляпке,
Песик, застывший с приподнятой лапкой.
Синий покой уходящего дня.
Смотришь – и слышишь: к вечерне звонят...
Вывески: «Платье парижскихъ фасоновъ»,
«Лавка товаровъ купца Фейгельсона»,
«Мятныя капли, зубной порошокъ»...
Господи, Боже мой, как хорошо!
2017 (с. 310–311)*

Симпатичная картинка, прочувствованная, можно сказать, и стиль выдержан, и рифмы не банальные. Неожиданный экфрасис: описание картины – изображения с открытки, в нем и краски, и звуки улавливаются автором. Не просто мимолетно запечатленная картинка, но очень емкое и точное описание города начала XX в. Есть ли в самом деле такая открытка? Возможно, много открыток опубликовано в специальных альбомах. Смирнов в ряде стихов тяготеет к камерным сценкам, стилистически выдержанным и развивающимся неспешно во времени. Такова его «Пушкиновка»: тоже XIX в., описание усадебной жизни в имении Маркутье (Маркучай)⁵, героев стихотворения – хозяев имения Варвары Алексеевны и ее супруга Григория Александровича (младшего сына А. С. Пушкина). По признанию автора «Мне не впервой в ином слоняться веке» («Закрет», с. 311). Конечно, здесь поэтизация и романтизация прошлого, и в этом также особенность стихов о Вильнюсе.

Многие стихи являются своеобразными краткими травелогами, описаниями путешествия по городу, прогулки, с перечислением достопримечательностей

4 Сафьянки, Сафьники – район бедноты в Вильно, где находились кожевенные мастерские (отсюда название), а также дома терпимости.

5 В настоящее время Музей-усадьба в Вильнюсе.

или любимых уголков. Таковы «Не спит мой город Вильнюс» Людмилы Гирдаускене (с. 335); «В лабиринты старинных улиц» А. Борзенкайте (с. 388); «Вильнюс» Элен Кофман (с. 378); «Республика Ужупис» Бориса Бартфельда (с. 316–318); 6-я часть «Литовского дивертисмента» Ольги Слободкиной (гости города), которая подводит итог прогулки: «всё здесь – как планета другая» (с. 329). В стихах «Улочкам старого Вильнюса» Надежды Бурановой туристический аспект: «На улице прижмусь к стене спиной, / чтоб уместился город в объектив» (с. 347) задействует старую традицию – город в разное время запечатлевали фотохудожники.

Отметим как важный мотив – сакральный Вильнюс: часто упоминаются или описываются Остробрамская Мадонна, многочисленные костелы, без которых фактически не будет городского пейзажа. Томас Венцлова считает, что «Вильнюс воспринимается прежде всего или даже исключительно как сакральный город (столица, религиозный центр, средоточие науки и поэзии). Его экономическая, торговая, промышленная) роль игнорируется» (Венцлова, 2014, с. 33).

Интересны стихи, описывающие локусы мало или менее известные. Как у Евгения Уюкина:

*Я люблю обшарпанные стены
С паутиной трещин напоказ:
Вижу в них проигранные сцены,
Временем укрытые от нас.
Я люблю старинные ворота –
Вестников былого мастерства. (с. 260)*

Да, в городе должны где-то оставаться обшарпанные стены, свидетели времени, не всё ж должно скрываться под туристическим гляncем.

Стихотворение В. Асовского «На старом пустыре» – повествование о целом периоде жизни, где город настраивает на философский лад и чему-то учит, и в чем-то помогает:

*На старом пустыре давно построен дом,
В укромных уголках уют находят пары...
Прочитан много раз старинных улиц том,
Известно назубок меню бистро и баров.
В уютной тесноте кофеен и церквей
Проложен мной маршрут прогулок постепенных.
Я по нему провел такую уйму дней,
Порой, забывшись, проходя сквозь стены.
Здесь мне знаком каиштан, а там швейцар-старик.*

*Вот книжный магазин, в котором я когда-то
Купил – не сосчитать, как много разных книг.
Они ведь тоже в чем-то виноваты.
А с этого холма смотреть так славно в даль,
На солнце кровью яростной налившееся.
Так можно жизнь прожить, и будет вечно жаль несбывшегося... (с. 293)*

Город читается не только томами его улиц, его читают и «ногами»: так он узнается-открывается; не случайно упоминание о книгах. Все это также раскрывает и поддерживает городской топос.

О повторяемости извечных сюжетов жизни писал Михаил Дидусенко (1951–2003). В стихотворении «Осень в садике Монюшко» речь идет также о редком локусе в поэтической вильниане (помнится, Юдита Вайчюнайте писала о нем):

*...едва дымится утро над домами,
Как будто отсыревшими дровами
Обложен город был и подожжен.
...когда-нибудь изгибы «саломейки»⁶
Вас приведут к таинственной скамейке,
И будет склад похожим на костел,
И женщина в оранжевом жилете
Вновь унесет из вашего столетья
Охапку желтых листьев на костер. (с. 287)*

Поэт, рассказывая о женщине-дворнике, убирающей засыпанный осенними листьями скверик, адресуется к читателю другого столетия, говорит о непреходящем, может быть, о вечном, скрытом в будничной обыденности. Но в нашем столетье костелу возвращен достойный статус⁷. В этом городе рождаются, складываются стихи: об этом другое стихотворение Дидусенко:

*Ты берешься за ум,
прижимаешь руками виски.
Одиноко скрипят
городские сухие пески.*

6 Так горожане называли школу им. Саломеи Нерис, расположенную поблизости, изгибы – архитектурная особенность здания. В сквере установлен бюст польского композитора Станислава Монюшко (Stanisław Moniuszko, 1819–1872), который проживал в Вильнюс в 1840–1858 гг.

7 В костеле Св. Екатерины в советское время был устроен склад.

Одиноко скрипят
 твои братья, отпробовав лад,
 и стихи выплывают,
 крылатые строки летят.
 И стихи выплывают,
 веселые братья поют
 городской неумелый,
 плывущий стихами уют.
 Городской неумелый,
 один уезжаешь туда,
 где в березовой роще
 тугие гудят провода.
 где стоят самолеты,
 играют у них плавники,
 где в березовой роще
 осенние бьют родники.
 Где в березовой роще
 шлагбаумы подняты все,
 и ты видишь, что Площадь
 к осенней примерзла росе.
 (Дидусенко, 1978, с. 4)

Узнаваемо место «поэтического побега» – тогда пригород Вильнюса. И вспоминаются строки Николая Заболоцкого «В этой роще березовой / Вдалеке от страданий и бед...», для молодого поэта (а это первая публикация Дидусенко) обращение к великим образцам оправданно.

В стихах Асовского и Дидусенко отчетливо звучание того, что Т. Венцлова назвал «Вильнюсскими ностальгиями» в известной статье «Вильнюс как объект ностальгии» (Venclova, 2009, p. 169–187).

О бывших еврейских кварталах города и их жителях помнят и пишут Ревекка Левитант («Родословная»), Элен Кофман («Вильнюс»); Тамара Яблонская рассказывает «Вильнюсскую историю» об извечной еврейской судьбе. В стихотворении Таты Тарасовой «Вилнэ»:

Вилнэ, Вилнэ под ногами,
 В жилах, в памяти, в ушах...
 Кто не дожил – с нами, с нами
 Вечно силятся дышать!
 Эти дверцы и крылечки,
 Подворотни, чердаки
 Говорят еврейской речью,
 Словно мелют колоски... (с. 384)

В бывших еврейских кварталах города поэтами создается пространство памяти. Да, поэты – хранители памяти и истории. Ч. Милош писал: «...дух города сохраняет всё, что в нем происходило [...] Вильнюс называли “милым городом”, оно было им и для меня, но дух его помнит о полностью уничтоженном “Северном Иерусалиме”» (Milosz, 1992, s. 194).

Итак, город полнится воспоминаниями о его прошлом, историческом и легендарном: «Таятся в каждой клеточке брусчатки / Тяжелые шаги былых веков» (Надежда Буранова) (с. 347). Такой мотив есть почти у всех авторов. Возьмем пример менее ожидаемый: «Здесь воды и столетья проходили, / Ступал Голем и плакал херувим!», – у Анны Тураносовой-Абрас (с. 382). Голем – это вообще-то к Праге, к рабби Лёву (создавшему знаменитого Голема для защиты еврейских жителей), к Густаву Майринку, наконец. Но не так все просто! Юзеф Игнацы Крашевский, знаток и бытописатель Вильнюс XIX в., писал, ссылаясь на читанную им рукопись, что рабби Элиягу, Виленский Гаон, тоже сделал Голема.

Создаются и новые легенды, в них часто бывает немалая доля реальности, как в стихах Евы Ахтаевой об Анне Ахматовой, провожавшей до Вильны Николая Гумилева, ехавшего на фронт в 1914 г. (с. 344). Авторами стихов вообще активно задействуется мифологический и легендарный субстрат города⁸.

Порой сквозь текст о Вильнюсе проступают, угадываются другие слова, стихи других авторов об этом городе. Стихи пишутся на палимпсесте, или, быть может, кто-то скажет: «я на твоём пишу черновике...». К примеру, у Ханны Винокур: «Ветхость и покой, память древних слов.../ Просыпаясь, Город всем поет псалмы» (с. 362). Строки отсылают к Мойше Кульбаку, назвавшему город «псалмом, написанным на железе и глине», «книгой псалмов, раскрытой среди полей» (Kulbak, 1997, с. 9). «Пульсируют старинных улиц вены» – в уже цитированном стихотворении Н. Бурановой (с. 347) – также к поэме Кульбака: «старые вены клоизов⁹ и проходных дворов/ Бодрствуют и звенят, как усталое запыленное сердце» (Kulbak, 1997, с. 10). «Облака повторяют барокко» Р. Левитант отсылают к облакам в стихах Ч. Милоша и Т. Венцловы. А стихотворение Адаса Якубаускаса (посвященное Селиму Хазбиевичу) словно воскрешает атмосферу романов Генрика Сенкевича о временах Великого Княжества Литовского:

8 Укажем здесь интересную подробную статью П. М. Лавринца «Вильнюсские легенды о василиске: от *res gestae* к мифу» (Лавринец, 2014).

9 Клоиз – помещение при синагоге для изучения Талмуда и раввинистической литературы. Поэма М. Кульбака «Вилнэ» (опубликована в 1926 г.) была издана в Вильнюсе в 1997 г. отдельным изданием с переводом на 6 языков.

*Я наследник мурз бунтарских
И осколок польской шляхты,
Правнук всадников татарских,
Под Грюнвальдом несших вахту.
2017 (с. 352),*

но и дополняет облик мультикультурного, многонационального Вильнюса. Именованье «Из литовского дивертисмента» О. Слободкиной (с. 328–329) дословно воспроизводит заглавие цикла Иосифа Бродского 1971 г. Концовка стихотворения Игоря Коломийца «Ночной Вильнюс»: «Сквер притихнет. Сердце ждет: / Что случится, что придет» (с. 324) – перекликается с рефреном сцен общения с душами умерших из «Дзядов» (ч. 2) А. Мицкевича: «Глушь повсюду, тьма ложится, / Что-то будет, что случится?» (Мицкевич, 1968, с. 218)¹⁰.

Возможно, порою переклички случайны, а может, слышанное (читанное) когда-то чужое слово отозвалось... Ведь «нам не дано предугадать». Такие подобия город и сам генерирует: его пейзаж, архитектура, может быть, какие-то заброшенные дворы порождают такую поэтику описаний. Но и отказываться от интертекстуальных литературных связей не стоит.

История вкупе с легендой входит в стихи именами Гедиминаса, Барбары Радзивилл, Адама Мицкевича, Александра Пушкина. Упоминания башен Заречья – «вильнюсского Монмартра», Бернардинского сада, узких улочек, черепичных крыш, костелов, дворики, университета, Бельмонта, Закрета, Маркучай, рек Нерис и Вильняле становятся своего рода общими местами, сложившимися застывшими формулами. Однако эта как бы ожидаемая банальность в большинстве случаев оживляется и освещается искренностью чувства, личной причастностью «тайнам».

Даже порой некоторая, скажем так, неумелость, «нерафинированность» или просвечивающая наивность некоторых стихов тоже усиливают ощущение искренней любви и желания выразить ее в слове.

Получается, что «вильнюсский текст» (условно говоря) пишется и пишется, своими и чужими, заезжими и проезжающими, возвращающимися на время, что и убеждает в существовании некой магической силы «вильнюсского притяжения».

«Что бы делал мир без Вильнюса?» – вопрошает Нина Гейдэ в стихотворении красноречиво названном: «Чудо Вильнюса» (с. 357).

И в самом деле.

¹⁰ В оригинале: „Ciemno wszędzie, głucho wszędzie, / Co to będzie, co to będzie?” (Mickiewicz, 1996, s. 13).

Литература

- Венцлова, Т., 2014. К сопоставлению вильнюсского и таллинского текста. *Семиотика города*. / Редактор-составитель И.А. Пильщиков. Таллинн: Издательство Таллинского университета, с. 29–55.
- Дидусенко, М., 1978. Стихи. *Комъяунимо теса*. 24 ноября, 4.
- Зов Вильны. *Поэтический облик Вильнюса*, 2017. / Состав. В. Кольцов-Навроцкий, Е. Ахтаева. Вильнюс: Литературное объединение «ЛОГОС».
- Лавринец, П.М., 2008. Русские путеводители по Вильнюсу Х1Х – начала ХХ вв.: принципы композиции и отбора объектов. *Путеводитель как семиотический объект*. Сб. статей. / Ред. Л. Киселева. Тарту: Тартуский государственный университет, с. 219–239.
- Лавринец, П.М., 2014. Вильнюсские легенды о василиске: от *res gestae* к мифу. *Семиотика города*. / Редактор-составитель И.А. Пильщиков. Таллинн: Издательство Таллинского университета, с. 138–159.
- Лавринец, П.М., 2016. Вильнюс как «другое «пространство» в русской литературе. *Literatūra*, № 57(5), с. 274–284.
- Лавринец, П.М., 2018. Стихи. *Ad astra*. VU Slavistikos katedra. Режим доступа: <https://www.facebook.com/legacy/notes/2043991522591234/> [см. 20.05.2025].
- Милош, Ч., 2000. Никогда от тебя, мой город... Пер. В. Британишского. *Польская поэзия ХХ века*. Антология. Санкт-Петербург: Алетейя. Т. I, с. 349.
- Мицкевич, А., 1968. Дзяды. Пер. Л. Мартынова. *Мицкевич, А. Стихотворения. Поэмы*. Москва: Художественная литература, с. 218–237.
- Ханан, В., 2016. *Избранные стихотворения*. Иерусалим: Издательство «Лира».
- Kulbak, M., 1997. *Vilne*. Vilnius: Vaga, 9–11 [jidiš].
- Lavrinc, P., 2009. Rusiškas Vilniaus tekstas. In: Bumblauskas, A., Liekis, Š., Potašenko, G., red. kol. *Naujasis Vilniaus perskaitymas: didieji Lietuvos istoriniai pasakojimai ir daugiakultūrinis miesto paveldas*. Straipsnių rinktinė. Vilnius: Vilniaus Universiteto leidykla, p. 257–277.
- Mickiewicz, A., 1996. *Dziady*. Warszawa: Agencja Elipsa, s. 12–33.
- Miłosz, Cz., 1992. *Szukanie ojczyzny*. Kraków: Znak.
- Venclova, T., 2009. Vilnius kaip nostalgijos objektas. In: Bumblauskas, A., Liekis, Š., Potašenko, G., red. kol. *Vilniaus perskaitymas: didieji Lietuvos istoriniai pasakojimai ir daugiakultūrinis miesto paveldas*. Vilnius: Vilniaus Universiteto leidykla, p. 169–188.

References

- Didusenko, M., 1978. Stikhi. *Komyaunimo tesa*. 24 November, 4.
- Khanan, V., 2016. *Izbrannye stikhotvoreniia*. Jerusalem: Lyra Publ.
- Kulbak, M., 1997. *Vilne*. Vilnius: Vaga Publ., 9–11 [jidiš].
- Lavrinc, P.M., 2008. Russkie putevoditeli po Vilniusu XIX – nachala XX vv. In: Kiseleva, L., ed. *Putevoditel' kak semioticheskii ob'ekt*. Tartu: Tartu State University Publ., pp. 219–239.
- Lavrinc, P.M., 2009. Rusishkas Vilniaus textas. In: Bumblauskas, A., Liekis, Š., Potašenko, G., eds. *Naujasis Vilniaus perskaitymas: didieji Lietuvos istoriniai pasakojimai ir daugiakultūrinis miesto paveldas*. Vilnius: Vilnius Universiteto Publ., pp. 257–277.

- Lavrinec, P.M., 2014. Vil' nusskiie legendy o vasiliske: ot *res gestae* k miphu. In: *Semiotika goroda*. Ed. and comp. by I.A. Pilshchikov. Tallinn: Tallinn University Publ., pp. 138–159.
- Lavrinec, P.M., 2016. Vilnius kak drugoye prostranstvo v russkoi literature. *Literatūra*, No 57(5), pp. 274–284.
- Lavrinec, P.M., 2018. Stikhi. *Ad astra*. [Slavic Department of the Vilnius University]. Available at: <https://www.facebook.com/legacy/notes/2043991522591234/> [Accessed: 20 May 2025].
- Mickiewicz, A., 1968. *Dziady*. Transl. by L. Martynov. Mickiewicz, A. *Stikhotvoreniia. Poemy*. Moscow: Khudozhestvennaia literature Publ., pp. 218–237.
- Mickiewicz, A., 1996. *Dziady*. Warsaw: Elipsa Agency Publ., pp. 12–33.
- Miłosz, Cz., 1992. *Szukanie ojczyzny*. Kraków: Znak Publ.
- Miłosz, Cz., 2000. Nikogda ot tebia, moi gorod... / Transl. by V. Britanishskii. In: *Pol'skaia poeziiia XX veka*. Antologiiia. St. Petersburg: Aleteia Publ. Vol. 1, p. 349.
- Venclova, T., 2009. Vilnius kaip nostalgijos objektas. In: Bumblauskas, A., Liekis, Š., Potašenko, G., eds. *Naujasis Vilniaus perskaitymas: didieji Lietuvos istoriniai pasakojimai ir daugiakultūrinis miesto paveldas*. Vilnius: Vilnius University Publ., pp. 169–188.
- Venclova, T., 2014. K sopostavleniiu vil' nusskogo I tallinnskogo texta. In: *Semiotika goroda*. Ed. and comp. by I.A. Pilshchikov. Tallinn: Tallinn University Publ., pp. 29–55.
- Zov Vil'ny. Poeticheskii oblik Vil'nyusa*, 2017. Comp. by V. Koltsov-Navrotsky, E. Akhtaeva. Vilnius: Literaturnoe ob"edinenie 'LOGOS' Publ.